

человѣческимъ произволомъ, и ослица заговариваетъ человѣческимъ языкомъ, когда Валаамъ забываетъ внушеніе Господа.

Нехлюдовъ—только Валакъ, которому нужно проклятiе Валаама, чтобы сразиться съ Израилемъ, но который въ магической сферѣ, въ дѣлахъ божественныхъ—совершенный профанъ и совершенный неучъ. И какъ ни подбиваетъ онъ художника - Толстого изречь свою авторитетную и магически-сильную хулу на православіе, Толстой не можетъ этого сдѣлать и въ творчествѣ своемъ всегда Израиля благословляетъ. Когда же онъ хочетъ ѣхать въ станъ Валака и по внушенію человѣческому пишетъ свое „Воскресеніе“,—мы присутствуемъ при величайшемъ паденіи художника: Толстой превращается въ обыкновеннаго литературныхъ дѣлъ мастера, который, пользуясь техникой толстовскаго писанія, пишетъ романъ à thèse, со сравнительно большой ловкостью, но уже безъ всякаго вдохновенія, безъ всякаго *velut ignis superne*. Такъ же точно раньше онъ написалъ „Плоды просвѣщенія“,—этотъ недостойный Толстого, нехлюдовски-грубый шаржъ. Любуясь собой, своей добродѣтелью и своимъ покаяніемъ, Нехлюдовъ на протяженіи пятисотъ страницъ непрерывно воскресаетъ и все никакъ воскреснуть не можетъ. Романъ кончается неопредѣленнымъ общаніемъ со стороны автора, что вотъ теперь, въ ближайшемъ будущемъ, Нехлюдовъ непременно окончателно воскреснетъ и *начнетъ* новую жизнь, потому что Нехлюдовъ, наконецъ, что-то такое „понялъ“. Но такъ какъ Нехлюдовъ на каждой страницѣ постигаетъ какую-нибудь „истину“ и все-таки не воскресаетъ, то въ *будущее* воскресеніе его мы не имѣемъ никакихъ основаній вѣрить. Такъ, изъ Валаамова предпріятія благословить Валака противъ Израиля ничего не вышло.

Нехлюдовское воскресаніе на 500 стр., разрѣшающееся въ неопредѣленное общаніе воскреснуть въ неопредѣленно будущемъ времени, поучительно сравнить съ истиннымъ воскресеніемъ, словословіе которому нелицепріятно творить геніальный художникъ. Онъ замышляетъ писать не свѣтлую жизнь добродѣтельнаго князя, а беспросвѣтную *власть тьмы* надъ жизнью православныхъ русскихъ мужичковъ, и что же получается? Православные за себя постояли. Они грѣшны, жестоки, порочны. Кажется, въ первыхъ актахъ драмы Нехлюдовъ шепчетъ Толстому: Не жалѣй темныхъ красокъ: рисуй кромѣшную тьму. И тьма дѣйствительно сгущается до адскихъ тоновъ. Казалось бы, выходъ одинъ: веревка. И вдругъ